

Расин на отсечение

«Андромаха» в Эдинбурге

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ЭДИНБУРГ

Бельгийский режиссер Люк Персеваль в этом году только и знает, что колесить по фестивалям. Сперва он сделался героем Авиньона, показав там свою версию расиновской «Андромахи», выпущенную в антверпенском театре Het Toneelhuis. Теперь настал черед покорять Эдинбург. В фестивальной программе снова «Андромаха», но персонажи спектакля говорят друг другу не «же ву зем», а «их либе дих»: местная публика смотрит римейк бельгийской постановки, осуществленный вместе с прославленной труппой берлинской «Шaubюне».

По-немецки ли, по-французски ли говорят герои «Андромахи» — это, в общем-то, вещь совершенно несущественная. Если бы речь и впрямь шла о трагедии Расина, с ее длинными величавыми монологами и невероятными красотами александрийского стиха, то за такое заявление автору рецензии можно было бы, конечно, и морду набить. Но дело в том, что от всех классицистических красот в спектакле не оставлено решительно ничего. Люк Персеваль вместе со своим братом и постоянным соавтором Петером Персвалем заново составил «Андромаху» из простых укороченных фраз, разделенных долгими томительными паузами, — даже человек, не знакомый ни с одним иностранным языком, может после такого спектакля вдруг вообразить, что знает немецкий или французский.

Фразе того как из многофигурной трагедии были безжалостно удалены всяческие наперсники и наперсницы, на сцену было дозволено выйти только пятерым героям. Работа по отсечению лишнего коснулась не одной только пьесы. На помощь актерам не придет музыка, и вдобавок ко всему они обречены на почти абсолютную неподвижность. Особо поразмахиwać руками, демонстрируя свой выдающийся темперамент, невозможно просто физически — актеры вознесены на узкий пьедестал, вокруг которого громоздится гора разбитых бутылок. Стоит оступиться — и тысячи осколков вонзятся в твоё тело. Поневолe приходится жаться друг к другу, даже если ты от всего сердца ненавидишь того, кто рядом. Любви и ненависти придан совершенно конкретный, вещественный смысл. Герои не просто гово-

рят о любви — она, проклятая, вселившись в них, корежит тела, доводя буквально до рвоты, до судорог, до кровавого пота. Орест, Гермиона, Пирр, Андромаха и Пилад — их полуголые тела будут балансировать на этом трагическом насте около часа, и нет никакой возможности выйти из этой проклятой шеренги, кроме как умереть. Смерть готова прийти в любой момент (Гермиона, разбив бутылку, едва ли не с самого начала спектакля неумело тычет «розочкой» в Пиррово горло). Но одна из тех, кто вознесен на пьедестал, уже сразу кажется полумертвой. Это Андромаха, исполненная великой актрисой немецкой сцены Оттой Лампе (московская публика помнит ее в основном по мягким чеховским ролям — Аркадина, Раневская, Маша). В то время как прочие персонажи временами предпринимают отчаянные попытки изменить свою участь (в судорогах сжимаются пальцы, напрягаются лицевые мышцы, рот разевается в громком зверином крике), тело Андромахи расслаблено и неподвижно. Она просто сидит на краешке шиферного пьедестала и устало ждет окончания пьесы. Кажется, никогда ни в одном спектакле не являлся человек, в котором столь очевидно были бы заметны следы опустошения. Да что там следы? Когда Андромаха говорит об убитом муже и о руинах Трои, то кажется, что она сама и есть разрушенная свирепыми завоевателями Троя. Москве увидеть эту выдающуюся актерскую работу пока не светит, но остается надеяться, что победоносное турне Люка Персваля по европейским фестивалям продолжится и рано или поздно спектакль доберется и до России.